

Елизавета Смирнова

В стране бумажных птиц

Елизавета Смирнова

В стране бумажных птиц

«Автор»

2026

Смирнова Е.

В стране бумажных птиц / Е. Смирнова — «Автор», 2026

«В стране бумажных птиц» — городское фэнтези о том, как порядок встречается с чудом. Лариса — нотариус, для которой мир держится на сроках, печатях и контроле. Отпуск в Киото должен был стать передышкой, но всё меняет резная шкатулка: по ночам из неё вылетают бумажные птицы и уносят чужую тяжесть — страхи, боль, невысказанные слова. В старой лавке без вывески Лариса узнаёт о забытой традиции: дать боли форму, чтобы город мог дышать. И понимает, что спасти не обязательно — достаточно тихо сказать: «Я вижу тебя». Тёплая, атмосферная история о том, как сильная героиня учится не держать всё под контролем — и именно так становится по-настоящему надёжной. Для поклонников уютного фэнтези и историй с глубоким внутренним конфликтом.

© Смирнова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Первый вдох Японии»	5
Глава 2. «Полёт в тишине: когда птицы уносят чужое»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Елизавета Смирнова

В стране бумажных птиц

Глава 1. «Первый вдох Японии»

Лариса стояла у выхода на посадку и улыбалась. Впервые за долгое время — по-настоящему, без дежурного «я в порядке, всё под контролем». В её сумке лежали три вещи, ради которых она вообще решилась на этот отпуск: шёлковый шарф с геометрическим узором (строгим, но дерзким — в её стиле), папка с распечатками экскурсионных маршрутов (да, она до сих пор печатала, потому что на экране глаза уставали) и... её простые наручные часы.

Она коснулась запястья. Холодный металл, тихий уверенный ход секундной стрелки. Эти часы стали её якорем ещё с той истории про хаос и контракты — когда мир начинал плыть, Лариса смотрела на стрелку и говорила себе: «Пока тикает — я в реальности». И вот теперь стрелка тикала ровно, отсчитывая последние минуты до взлёта.

— Ну что, Япония, — прошептала Лариса, глядя на табло. — Я готова. Никаких контрактов, никаких споров с реальностью. Только удон, онсэн и тишина.

В самолёте она достала папку и снова пробежалась по маршрутам: Киото, бамбуковая роща, храм Фусими Инари с тысячами красных ворот, потом Токио — узкие улочки, где пахнет жареным тестом и чаем, и обязательно один день без плана, просто идти туда, куда выведет нога. Лариса любила планы, но ещё больше она любила моменты, когда план сам собой становился чуть свободнее.

Когда шасси мягко коснулись полосы, Лариса выдохнула. Она сделала это. Прилетела. И даже не опоздала.

В зале прилёта её уже ждал гид — молодой человек в тёмно-синем пиджаке, с табличкой «Лариса».

— Добро пожаловать в Японию, — сказал он с тёплой улыбкой. — Меня зовут Хидэо. Если позволите, я хотел бы сделать вам небольшой подарок — как знак того, что мы рады видеть вас в нашей стране.

Он протянул небольшую коробочку, обёрнутую в тонкую бумагу с узором из волн. Лариса на секунду замерла: подарки от незнакомых людей всегда вызвали у неё внутренний протест — она не любила быть обязанной. Но улыбка Хидэо была такой искренней, что отказаться казалось почти невежливым.

— Спасибо, — сказала Лариса, принимая коробку. — Это очень мило.

Внутри оказалась деревянная шкатулка. Небольшая, аккуратная, с тонкой резьбой по крышке — будто кто-то долго и терпеливо выводил каждый завиток. Лариса провела пальцем по узору, улыбнулась:

— Красивая. Спасибо.

Хидэо слегка поклонился:

— Шкатулка для чего-то важного. Пусть она хранит то, что для вас ценно.

Лариса кивнула, убирая подарок в сумку. И только тогда, укладывая вещи, она вдруг почувствовала холодок где-то под рёбрами. Коснулась запястья. Пустота.

Часов не было.

Она замерла, потом быстро проверила карманы, сумку, чехол от планшета — везде. Ничего.

«Не может быть, — подумала Лариса. — Я же проверяла перед выходом. Точно проверяла».

Но факт оставался фактом: её якорь, её стрелка, её «пока тикает — я в реальности» остались где-то между Москвой и Токио. Может, в такси, может, в зоне досмотра, может, на столике у выхода на посадку.

Лариса закрыла глаза на секунду. Потом открыла. Глубокий вдох. Ещё один. И ещё.

«Ладно, — сказала она себе. — Это просто вещь. Металл и стекло. Ты справишься и без них».

Но внутри всё равно что-то неприятно сжималось. Без часов мир казался чуть менее надёжным. Чуть более... подвижным.

По дороге в рёкан Лариса пыталась отвлечься: смотрела в окно, запоминала повороты, считала фонари, пыталась угадать, какой из переулков выведет к храму, а какой — к обычной пекарне. Город был живым: он шептал на незнакомом языке, переливался неоновыми вывесками, пах дымом и солью.

Хозяйка рёкана встретила их у входа — в кимоно, с лёгкой улыбкой, будто знала о Ларисе что-то такое, чего Лариса сама о себе не помнила.

— Добро пожаловать, — сказала хозяйка, чуть склонив голову. — Ваш номер готов. Здесь тихо, и если вам нужно просто посидеть и послушать, как город дышит, — у нас есть такие места.

Лариса улыбнулась в ответ, стараясь, чтобы улыбка не выглядела натянутой.

— Спасибо. Мне... мне просто нужно немного тишины. И, возможно, кофе.

Комната оказалась маленькой, но удивительно уютной: татами, низкий столик, раздвижные двери, за которыми виднелся крошечный сад с камнями и сухим фонтаном. Лариса поставила сумку на пол, села на край кровати и снова коснулась пустого запястья.

И тут её взгляд упал на шкатулку — ту самую, что подарил Хидэо. Она достала её из сумки, поставила на столик. Повертела в руках. Дерево было тёплым, почти живым.

«Шкатулка для чего-то важного», — вспомнила она слова гида.

Лариса открыла крышку. Внутри, на тонком слое ткани, лежали бумажные птицы — аккуратные, хрупкие, будто сделанные из самого воздуха. Они были сложены так тщательно, что казалось, стоит только дунуть — и они взлетят.

А на дне шкатулки, под тканью, белел маленький листок. Лариса осторожно вытащила его. На нём — всего несколько иероглифов и адрес. Не адрес отеля, не адрес ресторана. Какой-то переулок. Место, которого не было ни в одном из её маршрутов.

Лариса нахмурилась. Потом хмыкнула.

— Ну вот, — пробормотала она. — Только приехала, а уже что-то надо искать.

Но в голосе не было раздражения. Скорее... предвкушение. То самое, которое бывает, когда ты понимаешь: отпуск только начинается, и самое интересное — впереди.

Глава 2. «Полёт в тишине: когда птицы уносят чужое»

Лариса проснулась от странного ощущения — будто в комнате кто-то есть, хотя дверь была закрыта, а за раздвижными створками сада по-прежнему лежала густая ночная тишина. Она села, потерла глаза, прислушалась. Ни шороха, ни скрипа — только город дышал где-то далеко, как огромный, неторопливый зверь.

Взгляд сам собой скользнул к низкому столику, где стояла шкатулка. Крышка была чуть приоткрыта.

Лариса нахмурилась. Она точно помнила: перед сном закрыла её плотно. Она встала, подошла, осторожно приподняла крышку.

Внутри было пусто.

Только на дне белел тот самый листок с адресом — и больше ничего. Ни одной бумажной птицы.

— Да ладно... — пробормотала Лариса, наклоняясь ближе. — Они же не могли... улететь.

Она провела рукой по дну шкатулки, будто надеялась нащупать спрятавшуюся фигурку. Ничего. Только гладкая ткань и тонкий запах старой бумаги.

И тут она заметила на полу у раздвижной двери крошечный след — едва заметную тень, похожую на сложенное крыло. Лариса наклонилась, подняла. Это была крошечная птичка — совсем не такая, как те, что лежали в шкатулке. Эта выглядела помятой, усталой, будто её долго несли против ветра.

Лариса сжала её в ладони, потом резко распахнула створки. Сад был тих. Камни лежали на своих местах, фонтан молчал. Но в воздухе витало что-то новое — не напряжение, а... облегчение. Как будто кто-то рядом наконец выдохнул после долгого, тяжёлого дня.

Она вернулась к шкатулке, достала листок с адресом, развернула. Иероглифы казались теперь не просто буквами, а чем-то вроде подсказки — как будто шкатулка сама подсказывала: «Иди туда».

— Ладно, — сказала Лариса вслух, будто спорила с невидимым собеседником. — Допустим, птицы летают. Допустим, они куда-то улетают. Но это не повод превращать отпуск в детективное расследование.

Но пальцы сами собой крепче сжали листок.

Утро пришло неожиданно быстро. В рёкане пахло чаем и деревом, хозяйка тихо прошла по коридору, позвякивая связкой ключей. Лариса вышла во двор, села на низкую скамейку, подставила лицо прохладному ветру. И тут заметила старика, который подметал дорожку у соседнего дома. Он поднял голову, посмотрел на неё... и вдруг улыбнулся так, будто знал её всю жизнь.

— Вы ищете что-то, — сказал он спокойно, не подходя ближе. — Или кого-то.

Лариса чуть не рассмеялась. «Я ищу бумажные фигурки, которые улетели ночью из шкатулки», — хотела сказать она. Но вместо этого спросила:

— Вы не знаете, где тут лавка... ну, такая, где продают необычные вещи? Шкатулки, origami, что-то старое?

Старик кивнул, будто это был самый обычный вопрос.

— Есть одна. В переулке за храмом. Там не вешают вывесок. Туда приходят те, кто уже знает, куда идти.

Он снова улыбнулся и пошёл дальше, шурша метлой.

Лариса посмотрела на листок в руке. На нём был тот самый переулок.

«Совпадение?» — подумала она. И тут же сама себе ответила: «Нет. Это улика».

Она достала из сумки папку с маршрутами, открыла на странице с Киото. Потом вытащила ручку и прямо поверх карты написала: «Доказательство №1: птицы исчезли. Доказательство №2: старик знает про лавку. Доказательство №3: адрес на листке совпадает».

Это выглядело смешно, но Ларисе стало спокойнее. Когда хаос пытается казаться магией, лучший способ с ним справиться — разложить его по пунктам.

Она встала, поправила шарф, сунула листок в карман. И вдруг замерла. Коснулась запястья. Пустота. Без часов мир снова казался чуть менее надёжным. Но теперь у неё была другая опора — логика. И адрес.

«Сначала найду лавку, — решила Лариса. — А потом разберусь, почему эти птицы летают и что они уносят с собой».

Когда она вышла на улицу, город встретил её не шумом, а шёпотом. Прохожие будто двигались чуть медленнее, чем вчера. Кто-то остановился у витрины, кто-то задержался у фонаря, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. И в этом тихом ритме Лариса вдруг почувствовала: птицы не просто улетели. Они что-то забрали с собой.

Может быть, чью-то тревогу. Может быть, чей-то тяжёлый сон. А может, просто кусочек тишины, чтобы город мог дышать.

Лариса шла по переулку, сверяя повороты с листком. И чем ближе она подходила к нужному месту, тем сильнее ей казалось, что город сам ведёт её — не спеша, не толкая, а просто подсказывая: «Сюда. Ещё немного».

В конце переулочка, между двумя старыми домами, пряталась маленькая лавка. На двери не было вывески, только тонкий узор из бумажных птиц, вырезанных прямо на дереве.

Лариса остановилась перед дверью. Посмотрела на листок. Потом на узор. И тихо, почти шёпотом, сказала:

— Вот ты где.

Она потянулась к ручке. И в этот момент из лавки вышел человек — не молодой, не старый, в простом кимоно, с внимательными глазами. Он посмотрел на Ларису, будто ждал её.

— Вы пришли за ответом, — сказал он просто. — Или за вопросом?

Лариса хотела ответить что-то сухое, юридическое: «Мне нужны факты. И объяснение». Но слова застряли где-то в горле. Вместо этого она достала из кармана листок и протянула ему.

Человек взял его, посмотрел, кивнул.

— Значит, вы уже начали. Тогда заходите. Здесь не дают готовых ответов. Но помогают услышать правильные вопросы.

Лариса шагнула внутрь.

Внутри лавка оказалась вовсе не таинственной, а очень будничной. На полках стояли стопки бумаги, деревянные коробки, медные чашечки, связки сухих трав. Пахло старым деревом, чернилами и чуть-чуть — дымом. Никакой мишуры, никакого мерцания. Просто место, где много лет подряд кто-то тихо делал свою работу.

Хозяин закрыл за Ларисой дверь, но не на засов — просто прикрыл, будто хотел удержать не снаружи лишнее, а внутри тишину.

— Садитесь, — он кивнул на низкую скамью у стола. — Чай?

Лариса покачала головой. Ей не хотелось ни чая, ни паузы. Ей хотелось фактов.

— Я пришла не за гостеприимством, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, как на приёме у клиента. — Я пришла за объяснением. У меня была шкатулка. В ней были бумажные птицы. Ночью они улетели. А сегодня я нашла одну — помятую, будто её долго несли. И ещё листок с адресом, который каким-то образом совпал с тем, что мне сказал старик.

Она достала из сумки папку с маршрутами, открыла её и положила перед ним. Прямо на странице с картой Киото белели её аккуратные записи:

Доказательство №1: птицы исчезли.

Доказательство №2: старик знает про лавку.

Доказательство №3: адрес на листке совпадает.

Лариса постучала пальцем по строчкам.

— Это улики, — пояснила она. — Я привыкла работать с документами. Если есть цепочка — я её фиксирую. Так я понимаю, где правда, а где совпадение.

Хозяин не стал смеяться. Он не стал и спорить. Он просто наклонился, посмотрел на её записи — не с насмешкой, а с интересом, будто увидел что-то знакомое.

— Хороший подход, — сказал он спокойно. — Когда мир кажется слишком большим, мы делим его на пункты. Так легче дышать.

Он взял карандаш и рядом с её «Доказательством №3» аккуратно приписал: «Совпадение — это тоже язык. Только говорит он не цифрами, а ритмом».

Лариса нахмурилась.

— Это не доказательство, — возразила она. — Это метафора.

— А цифры — это не язык? — мягко спросил он. — Вы же понимаете их как смысл. «Срок исполнения», «подпись», «печать» — разве это не слова, которые вы переводите в действие?

Она хотела возразить, но осеклась. Он попал точно: в её профессии смысл и был в этих словах. Они держали мир.

— Допустим, — сказала она чуть тише. — Но мне нужно знать, что происходит. Что это за птицы? Куда они уносят тяжесть? И почему именно я?

Хозяин сел напротив, положил ладони на стол — не для жеста, а просто чтобы занять место.

— Птицы не выбирают «почему», — ответил он. — Они выбирают «кому сейчас хватит сил не отвернуться». Шкатулка открывается не по воле магии, а по воле усталости: когда человек наконец признаёт, что не может нести всё один.

Лариса невольно коснулась запястья — там, где раньше были часы. Пустота.

— Я не устала, — сказала она твёрдо. — Я просто... не готова быть чьей-то опорой. У меня отпуск. У меня план.

— И это честно, — кивнул он. — Никто не обязан быть опорой. Но иногда мир не спрашивает. Он просто тихо кладёт рядом листок с адресом и ждёт: повернёте ли вы голову.

Лариса сжала пальцы. Ей хотелось, чтобы он дал ей бумагу с печатью: «Вы освобождены от обязанностей». Но он не мог. И она это понимала.

— Хорошо, — выдохнула она. — Допустим, я не отвернулась. Допустим, птицы уносят чужую тяжесть. Но что мне с этим делать? Как это оформить? Какой регламент?

Хозяин чуть улыбнулся — не насмешливо, а так, будто услышал очень знакомый вопрос.

— Здесь нет регламента, — сказал он. — Есть только одно правило: не называйте чужую боль своей заслугой и не делайте её своим грузом. Птицы не просят героизма. Они просят внимания. Одного короткого «я вижу тебя».

Лариса поморщилась. Это звучало слишком просто. Слишком... недостаточно.

— «Я вижу тебя»? — повторила она скептически. — Это не документ. Это не договор.

— Зато это первое слово, с которого начинается доверие, — спокойно ответил он. — Договор фиксирует прошлое. А «я вижу тебя» — это обещание на будущее.

Он встал, подошёл к полке и снял с неё простую деревянную коробочку — не резную, не нарядную, а такую, будто ею пользовались каждый день.

— Держите, — он поставил её перед Ларисой. — Сюда складывайте то, что вы заметили. Имя. Слово. Взгляд. Всё, что показалось вам важным. Не для отчёта. Для памяти.

Лариса осторожно коснулась крышки. Дерево было тёплым, с маленькими царапинами — следами пальцев, которые открывали её много раз.

— Зачем? — спросила она.

— Чтобы вы не забывали: даже если вы ничего не можете исправить, вы можете запомнить. А помнить — это уже действие.

В этот момент снаружи, из переулка, донёлся тихий шелест — как будто кто-то провёл ладонью по стопке бумаги. Лариса вздрогнула и повернулась к окну. Сквозь тонкую занавеску мелькнуло светлое пятно — и пропало.

Хозяин не обернулся. Он будто и не слышал.

— Они вернулись, — тихо сказал он. — И принесли что-то.

Лариса медленно открыла коробочку. Внутри лежал крошечный листок — такой тонкий, что сквозь него просвечивал свет. На нём было выведено одно имя: «Юки».

Она подняла глаза.

— Кто это?

— Тот, кто сегодня не смог сказать «мне тяжело», — просто ответил хозяин. — Но смог оставить след. Имя — это уже голос. Даже если он звучит шёпотом.

Лариса провела пальцем по буквам. И вдруг поняла: она не хочет снова прятать это в папку с уликами. Не хочет превращать в доказательство. Она хочет просто услышать.

— Что мне с ней сделать? — спросила она уже не жёстко, а почти растерянно. — Где её искать?

Хозяин подвинул к ней маленький блокнот и карандаш.

— Сначала спросите себя: что вы готовы сделать прямо сейчас? Не всё сразу. Одно маленькое действие. Написать записку. Купить чай. Просто постоять рядом.

Лариса посмотрела на пустой лист. Потом на имя. И впервые за долгое время не почувствовала, что должна всё держать под контролем. Она почувствовала, что может просто быть рядом.

Она взяла карандаш и написала: «Юки, если ты слышишь — ты не одна».

И это было не заявление. Не договор. Не доказательство. Это было первое слово, которое она сказала не как нотариус, а как человек.

Хозяин кивнул, будто это и был тот самый правильный шаг.

— Теперь, — сказал он тихо, — вы знаете, куда идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.